

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3)
EDN [TUKCXU](https://edn.tukcxu.ru)
УДК 316.752+179.6

М. А. Подлесная¹, О. К. Шевченко²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, Россия

ФАКТОР ФРОНТИРНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ГЕРОЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие героя применительно к концепту фронта, который авторы статьи понимают как «контактное поле», рубеж, скорее соединяющее, а не разделяющее пространственно-временное поле сопряжения двух и более реальностей. Особое внимание уделяется разработке фронта как точки сборки и личности героя и новой социальной нормальности. Обозначается необходимость проведения сравнительного анализа уже имеющихся в социологии понятий субъект, актор, герой. Предпринимается попытка развести эти понятия, даются основные признаки героя как тотального субъекта, указывается важность различия героя повседневного и «фронтирного». Обосновывается влияние фронта как фактора в формировании образа героя на материалах эмпирического исследования, проведённого авторами статьи в восьми федеральных округах РФ в 2023 году (n=1350). Для этого анализируются данные по ряду открытых и полужакрытых вопросов в зависимости от места проживания респондентов, то есть территориального фактора. Авторы статьи приходят к выводам, что протяжённость России и различие её регионов, фронтирность некоторых из них дают соответствующие специфику и запрос на героя. Респонденты тех субъектов РФ, которые выступают в настоящее время сами как фронт, гораздо чётче артикулируют своё представление о герое и героизме. Хрестоматийным же остаётся для россиян прежде всего военный герой. Значительная часть самостоятельно названных героев — это выдающиеся личности прежде всего советской эпохи, в основном, военачальники, политические деятели, дети-герои ВОВ. Работники повседневного служения и труда — врачи, медработники, волонтеры, спасатели, учителя, учёные и т.д., что было характерно для советской эпохи, в настоящее время в качестве героев самостоятельно респондентами не выделяются. Что приводит к выводу, что актор советского модерна, который соотносился с героизмом и был тесно связан с понятием героя (в частности, труда), сегодня в сознании россиян не актуализирован. Подобные трансформации связываются авторами с влиянием фактора ситуации, а так же со сменой соответствующих социальных онтологем.

Ключевые слова: фронт, социальная пограничность, герой, героизм, субъект, субъектность, диалектика общего и персонального, нормативность

Для цитирования: Подлесная М. А., Шевченко О. К. Фактор фронтирности в формировании образа героя в российском обществе // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 42–60. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3). EDN [TUKCXU](https://edn.tukcxu.ru).

© Подлесная М. А., Шевченко О. К., 2024

Фронтир меняет всё: методы, привычный образ жизни, социальные отношения, гендерные стереотипы и т.д.

С. Н. Якушенков, In Frontier We Trust¹

Введение. Фронтир как лексема, авторский концепт, научное понятие с претензией на статус философской категории имеет длительную историю и до сих пор не в полной мере «прописался» в современной отечественной социальной философии, социальной онтологии и теоретической социологии. Начав путь как аутентичная, сугубо регионально-американская авторская лексема [1], она быстро пошла в народ и в разнообразные уже научные школы и авторские концепции [2; 3; 4; 5]. В США даже создана особая научная дисциплина: *borderstudies* (пограничьеведение) [6, с. 13]. Однако в общемировом научном сообществе «фронтирный дискурс ни в теории фронта, ни в дискурсологии не был предметом описания» [7, с. 469]. Перед отечественными исследователями стоит сложная задача: на базе импортированного термина из области американской мифологии, имперского мышления и протестантского взгляда на человечество провести «операционализацию понятия фронтир в статус категории социально-философского анализа» [8, с. 27]. Это открывает известную свободу интерпретаций и подходов в понимании фронта или, если угодно, пограничности как фактора формирования того или иного социологического феномена.

В рамках социально-философских штудий мы можем определить любопытный парадокс. Так, одним из фундаментальных философских принципов является тезис, что всё связано со всем. А раз так, то о какой граничности может идти речь? Фронтир, как и его близкие эквиваленты-лексемы в русском языке, — граница, рубеж, — предполагает именно отличие, противопоставление, онтологическую блоковость, соприкасаемую, но не взаимосуществующую органическую цельность. Но фронтир, как и граница, — реальность, от которой невозможно отказаться, как и от фундаментального гносеологического тезиса, изложенного выше. Из этой ситуации можно выйти, используя термины «контактное поле», «порубежное состояние», которое в меткой аналогии отечественного философа выступает «сварным швом бытия». Таковой шов является частью целого, но при этом сшивает без передаточных цепочек некогда различные куски в единую конструкцию-систему [9, с. 28]. Автор убедительно доказывает, что порубежность — это естественное состояние человека на всём протяжении его существования как обособившегося вида живой природы. Уже сам феномен культуры есть состояние пограничности с природой и собственно человеческой биологией, социумом. Это напряжение требует особого напряжения культурного, сиречь фронтирного человека. Рискнём пойти дальше и выдвинуть постулат, что только в состоянии напряжения контактного поля, выступая неким граничаром², человекоподобное существо может стать человеком и совершенствовать свою человечность на протяжении всей своей смертной жизни. Тут следует учесть фактор строгой пространственности понятия «фронтир» и простран-

¹ Якушенков С. Н. In Frontier We Trust // Журнал фронтирных исследований. 2019. № 3(15). С. 12–59. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10018>.

² Перевод на белорусский язык русской лексемы «пограничник». В данном случае стилистически более корректен в силу интуитивного понимания состояния человека на границе двух реальностей, но без милитаристского или политического контекста как стража границ государства.

ственно-временное единство русского понятия «рубеж», включающего как пространственные, так и временные коннотаты [9, с. 32].

Заметим при этом, что в западноевропейских исследованиях фронта пространства одушевлено, жизненно, а сам фронт — ментальная категория. Наиболее полно это было выражено уже Люсьеном Февром, который, исследуя границу, отмечает, что последнюю стоит понимать не в привычном для нас значении, а как то, что «дышит» и содержит в себе самой уже какое-то пространство [10]. По этой причине и изучение границы предполагает не изучение её так таковой, а всего того, что находится за ней, мы бы добавили также, — на её стыке, шве. Помимо Л. Февра, действующего отчасти всё же в тёрнеровской парадигме фронта, стоит упомянуть и о ментальных границах, выражающихся в категориях «свой»/«чужой» [11], свидетельствующих прежде всего о дуальном восприятии мира. И хотя подобные картины мира подверглись серьёзной критике, тем не менее, это не мешает современным политтехнологам их использовать в современных гибридных войнах как основной инструмент разделения мира и создания конфликтных зон. В этом смысле западноевропейское прочтение фронта — прежде всего о разделении и конфликте, о мифотворчестве, позволяющем прорываться вглубь.

В связи с малой проработанностью русского термина и иными целями конкретной статьи мы будем понятия «граница», «фронт», «порубежье», «рубеж» использовать как синонимы, означающие пространственно-временное поле сопряжения (соединения) двух и более реальностей.

Теоретико-методологические основания. Применительно к теме статьи мы должны абстрагироваться от героя как такового с его региональными особенностями, определённой родовой научной теорией (ницшеанского, карлейльского или плутарховского типов). Для начала обозначим героя как субъекта, находящегося в особом социальном поле — порубежье. В этом случае сразу же возникает вопрос о фронтальном состоянии субъекта как норме или парадоксальности бытия субъекта как такового. Для теоретической социологии это важная проблема, она дискуссионная и не имеет на данный момент конечного решения. Социология ставит проблему ребром: либо субъектность субъекта внефронтальна, не доводит к пограничным состояниям и не знает проблемы предела, контура своего бытия, либо она есть нормальное состояние любого активного индивида, в том числе и тотального субъекта — героя. В первом случае рассматривать особенности героя, когда субъект по определению внефронтален, — бессмыслица. А во втором случае ощущение грани и желание её раздвинуть, преступить, балансировать есть естественная среда социального бытия субъекта. Полнота выражения его субъектности приводит к невозможности выявления особенностей героического.

На помощь в этой логической ловушке приходит идея о подвижности границы и подвижности (текучности, временности) субъектности субъекта как онтологическом основании героя (иначе какой же он герой, если не обладает абсолютной субъектностью?).

Фронт — это динамичное пространство, создающееся субъектом и только им. При этом очевидно, что ни объект, ни субъект друг без друга существовать не могут, иначе мы гносеологически не могли бы выделить их как носителей субъектности и объектности. Эти элементарные логические действия выступают непоколебимым базисом классической социальной философии [12]. Однако элементарное не означает истинное или даже эффективное. Хотя бы потому,

что, скажем, в диалектической логике фронтирное состояние субъекта рассматривается как важный этап либо его превращения в объект, либо как формирование из него нового качества субъектности — архи-субъекта. Об этом сказано уже у Г. Гегеля во фронтирном столкновении Раба и Господина [13, с. 172–175]. Причём, несмотря на известный психологизм, самосознание как точка сборки архи-субъектности, фронтирность определяется именно социальным столкновением Раба и Господина. Об этом свидетельствуют такие принципиальные формулы Гегеля из вышеуказанного отрывка, как: «власть над бытием», «соотношение с вещью», «потребление вещи», «не для-себя-бытие» и т.д. Это позволяет найти возможность увязать «логическое» с «социальным» в одну когнитивную систему постижения фронтирного состояния субъектности субъекта.

Но перед нами встаёт очередная трудность теоретического характера, связанная с подвижностью фронта, создаваемого субъектом (героем) и подвижностью самого статуса субъекта, могущего в любой момент потерять самого себя и превратиться в объект. Если мы признаём общество системой, то должны заявить о её центре, или если мы признаём его организмом, то должны заявить о том, без чего организм не сможет существовать. Но тогда это либо носитель (социальный субъект, актор, человек и т.п.), либо связь (между носителями, объединениями носителей, сверхобъединениями, маргинальными совокупностями и т.п.). Вместе с тем с неизбежностью выступает проблема границы системы и её статуса для субъекта: насколько субъектен субъект, находящийся в центре, по сравнению с тем, кто упирается или поглощается пограничной зоной, и в какой мере и степени порубежность состояния субъекта-героя в центре отличается от порубежности субъекта-героя на периферии. Или языком чистой социальной логики: есть ли качественная разница порубежной субъектности социального субъекта центра от порубежной субъектности социального субъекта периферии, где центр и периферия — это не географические, а хронотопные (пространственно-временные) неизбежные понятия, структурирующие социальную систему, социальный организм, социальные сети и т.п.? На этот вопрос у нас нет ответа, и мы его считаем одним из слепых пятен науки, которые ещё только предстоит разрешить.

Мы можем лишь свидетельствовать, что герой как по определению активный субъект (субъектный субъект, тотальный субъект) должен теоретически выступать в качестве выходящего за пределы нормы актором. Причём не просто за пределы нормы какой-либо социальной картины, а именно той картины, которая соответствует тому или иному этапу трансформации социального времени и пространства. То есть быть укоренённым, естественным обитателем фронта, будь то в психологическом или сугубо социологическом смысле. Вполне возможно, речь даже стоит вести о том, что социальный субъектный субъект и есть фронтир и там, где он появляется, создаётся порубежное поле контактов вне зависимости от географии. Так Москва эпохи раннего Петра была социально-культурным фронтиром Запада и Европы, но Пётр I (и его единомышленники) передвинули фронтир на берега Балтийского моря, не просто переноса столицу, а осуществляя фронтирные акты как субъектные субъекты. В этом смысле таким же фронтиром был, например, Воронеж — родина русского военного флота, или Ялта в короткие дни февраля 1945 года, когда в Ливадийском дворце формировался новый Мировой Порядок. Постмодернистский вариант с отсутствием центра (принцип ризомы) мы не рассматриваем. Ибо в этом случае получается, что перед нами совсем не система, а вполне «обычный» хаос, где проблема фронта опять-таки совершенно не актуальна. Причём хаос воз-

можно увидеть только выделив в нём определённую хронотопную локальность (определённый топос, наблюдаемый на определённой последовательности временного отрезка). То есть для наблюдателя хаос будет либо без статичных субъектов, инициирующих хаос (чистые процедуры трансформаций), либо, если есть источник хаоса, то без трансформации этого источника, который и есть тотальный хаос сам по себе.

Вообще стоит признать, что трансформация представлений разных цивилизаций как о субъекте [14], так и о социальном, специфическом субъекте [15] весьма значительна. Вероятно, это происходит в силу трансформаций пространственно-временных реалий социального в разные эпохи при константе физического пространства и физического времени. Были выявлены парадоксы пространства переживания, интересубъектности, изменение структуры интеграции между социальными субъектами в рамках процедур диалога, трансформации времени и временности как социального явления как минимум во времена модерна [16, с. 24]. Из этого мы должны заключить о чувствительности социального субъекта к социальным пространственно-временным реалиям. А значит и фронтир приобретает онтологичность как пространственно-временная реальность, отличная от социальной реальности той или иной цивилизации, от социальной нормальности присущей ей.

В ситуации социального хронотопа модерна существует доминирование и приоритет субъектности социального субъекта, а при смене хронотопа постмодерна уже каналы связи выступают доминантой социальной реальности, и тяжесть смещается от субъектности субъекта непосредственно к социальному действию, пусть даже и без самого социального субъекта. Причём фронтир в этом случае является точкой сборки субъектности субъекта через конфликт трёх пластов бытия личности: субъект, актор и суверен. Последний понимается нами в зинovieвском значении: суверен — это человек-государство, тотально абстрагированная от этики и морали, государственного права, личность, выстраивающая свои отношения через договоры с элементами окружающего мира.

Таким образом, наш промежуточный вывод следующий: субъектный субъект (герой), созидующий, формирующий порубежное контактное поле, — это:

- 1) особое состояние, которое можно зафиксировать эмпирически;
- 2) не отлитый в бронзе статус, а могущее под влиянием разных обстоятельств состояние героического, порождающее рубеж с одной стороны и порождаемое рубежом с другой;
- 3) состояние, чувствительное не к географическим факторам, а социально-хронотопным, цивилизационно-культурным, сильно отличающимся между собой по эмпирическим характеристикам и социальной логике обозначения связки герой–антигерой.

Фронтальный фактор в развитии субъектности субъекта русского хронотопа. Двадцать первый век. Россия. Физическое время совпадает со временем постмодернистской Европы. Физическое пространство и восприятие этого пространства как европейскости России совпадают. А вот социальные хронотопы принципиально отличаются. Это было доказано как в теории, так и «в поле» серией исследований, приведших к пониманию наличия в России дихотомии действия свободного и нормативного, и совпадении (не одномоментном, но в рамках социальной единицы) действующего актора и субъекта-функции, что совершенно не совпадает с любым другим обществом: европейским, японским

и т.п. [17]. Отчётливо данный момент можно проследить и в попытках модных, читаемых современниками литераторов прописать положительную и привлекательную фигуру, трагически пытающуюся объединить эти две роли. Разумеется, это возможно лишь в жанре социальной фантастики, но символично, что для социального статуса этой фигуры автор выбрал белорусский термин «Граничар» (пер. с белор.: «Пограничник»)³.

Следует также признать, что и сам советский модерн оказался в достаточной степени отличен по своим характеристикам пространства и времени от модерна европейского [18].

Что есть «герой» и «героизм»? Переход от теории к феномену или конструктору героя. Особенно важно это наблюдение для России современной, где пространство уходит за пределы географии в область переживаний, мечтаний, личного подвига повседневности, а время становится близким к вечности. Оно фрагментарно разбивается на отдельные переживания моментов, и эти моменты, их череда видится бесконечной в своём постоянстве. Опять-таки возвращаясь к книгам, которые являются показателем устойчивого интереса населения к определённым героям, знакам, смыслам, нельзя не привести пример регулярных попыток выстроить логический контур фронта, разбитых осколков социальности, такого пространства анти-английского зазеркалья. Вершиной подобных попыток служит роман в жанре социальной фантастики: «Закон Фронттира», где по сюжету после катастрофы на Земле выжили только молодые люди, потерявшие память. Не потерявшие социальных навыков и профессиональных умений, они совершенно не помнят себя как личности, но осознают свою психологическую уникальность. Высшей ценностью такого бытия является память, носителем которой может являться человек помнящий другого и желающий ему об этом рассказать⁴. Это апофеоз героического, лишённого в своей апофеозности всего, кроме фронта. Причём всё, что рушит этот фронтирный хронотоп, проходит по реестру либо злодея, либо героя.

То есть герой как социальный субъектный субъект призван не подстроиться под систему, а переформатировать систему, пусть и на своём участке, сначала выступая органичной частью фронта, а вернее своим социальным действием создавая фронт, а потом превращая его в точку сборки новой нормы. Причём социальным действием совсем не в духе парсонского видения (исходным принципом которой является действие в рамках нормы и зависящее от общепринятых ценностей), а в определённом смысле анархическое действие, граничащее с безумием героев Эллады или идеального анархиста из трудов князя Кропоткина. В связи с обращением к социальному действию мы должны отметить, что герой (субъектный субъект) — это не актер классической социологии и даже не совсем актер из аксёновской дихотомии [17]. Мы предполагаем, что герой создаёт новую социальную реальность посредством, внутри и исходя из поля контактов (порубежья, фронта, границы). Речь идёт не о переформатировании изнутри социального и не о взрыве изнутри, а о создании нового эталона, к которому устремляются существующие социальные структуры. Устремляются в рамках процессов, блестяще описанных О. В. Аксёновой. Причём создаёт

³ Беянин А. О. Граничары // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/work479163> (дата обращения: 17.07.2024).

⁴ Дивов О. И. Закон фронта. Москва: Эксмо-пресс, 2000.

социальную реальность не для себя и «под себя» (иначе какой же это герой, просто ещё один социальный атом из управляющей цепи), а для других. Выступая, по указанной нами выше аллегории, сварным швом нового социального бытия.

Герой современной России — это, безусловно, социальный субъект с повышенной субъектностью, выступающий контрсоциально с целью создания социальной среды повышенного уровня для окружающих, и добровольно лишаящий себя всех положенных социальных благ, предусмотренных той или иной социальной средой. Например, былинные богатыри — это всегда граничары, субъектные субъекты, формирующие особую реальность с потенцией создания нового. А вот казак Байда из украинского устного творчества — это скорее насельник, житель фронта, которого нельзя назвать субъектным субъектом, слишком он подстраивается под условности Дикого Поля, не формируя его, а существуя в некоем симбиозе, как, собственно, и феномен запорожских казаков. Иное дело и иные форматы — казачество Теркское, или Донское, или Кубанское. Там мы уже видим порубежье как точку сборки новой социальности.

Возвращаясь к запорожскому казачеству, о героях там можно говорить лишь в период Богдана Хмельницкого, когда на стыке русского, польского, татарского с сильнейшими элементами литовского, турецкого и даже шведского формировалось особое русское порубежье. Недолгое хронологически, очень небольшое географически, но крайне влиятельное эмоционально, интеллектуально, эстетически, этически до сегодняшнего дня. Впрочем, это тема отдельного исследования, в настоящей публикации достаточно обозначить лишь возможность такого углубления в тему и подсветить сложность работы с порубежностью героического в Русском мире.

Социальное действие такого субъекта есть следствие и вторичное явление его субъектности, выходящее за рамки социальности в области индивидуально-нравственной жизни, что и позволяет ему сохранять аксиологическую автономию от общества с одной стороны и трансформировать это общество, будучи не наблюдателем, а именно актором с другой стороны. Его суверенность — это именно отделённость от социальности, а не её подавление своей волей. Причём и автономность и отделённость героя — это свидетельства его естественной фронтирности в нашем обществе. Для анализа героя и только для него уместно использовать субъектно-объектную логику как очевидную ненормальность, внесистемность и контрсоциальность героя в форме положительной флюктуации социального современной России и, отчасти, советского модерна.

Результаты эмпирического исследования. Постановочную часть нашей работы мы дополним материалами эмпирического исследования, посвящённого героизму, которое проводилось авторским коллективом сотрудников Института социологии ФНИСЦ РАН, Крымского государственного университета и Тюменского государственного университета. Полевые работы проводились в период с января по март 2023 года в восьми федеральных округах России, в том числе в Донецкой и Луганской областях. Всего было опрошено 1350 человек, опрос проводился с помощью онлайн-анкеты, созданной с помощью платформы Google формы. Выборка стихийная, выстроенная в соответствии с квотами. Последние касались самих субъектов федерации, например, в Центральном округе было опрошено 25% респондентов, в Северо-Западном 15%, в остальных

округах по 10%, пола (мужчин 40%, женщин 60%) и, наконец, в соответствии с заданной нами изначально не возрастной, а поколенческой спецификой (типология В. В. Радаева). Представителей советского поколения было опрошено 25%, постсоветского 75%. Некоторый перевес в сторону постсоветских поколений связан как с известными ограничениями онлайн-анкетирования, так и с тем, что людей старших советских поколений (мобилизационного, 1938 года рождения и ранее, поколения оттепели, 1939–1946 гг. рождения) даже при нашей попытке офлайн-анкетирования было сложно найти и опросить (анкета, состоящая из 27 вопросов, была затруднительна для восприятия глубоко пожилых людей). Данный опрос мы рассматриваем как разведывательный, с дальнейшим углублением и проработкой темы героизма.

Целью исследования было всестороннее изучение понятия героя и феномена героизма как репрезентаций коллективной памяти россиян. Чем больше мы погружались в тему и в анализ данных, тем яснее представлялась необходимость расширения подхода к изучению героя и героизма. И концепция фронта возникла на этапе обсуждения полученных данных, того, кто же такой герой, от каких факторов зависит способность к героизму. Пограничность как состояние активно действующего субъекта стала своего рода маркером героя, способного менять ситуацию, выходя за пределы нормальности, опривыченного. Отсюда возникла и идея статьи, **цель которой** — рассмотреть сам концепт фронта и применить его к имеющимся данным, которые связаны с региональной спецификой восприятия героя и героизма опрошенными россиянами. **Основная гипотеза:** регионы, которые можно в настоящее время отнести к фронтам (по признакам, которые были озвучены в теоретической части статьи), имеют свой собственный запрос на героя с соответствующими качествами. При этом мы отчасти пытаемся проверить наше теоретическое заключение о том, что герой и состояние героического — это не только порождающее рубеж, но и порождаемое рубежом, границей. Мы признаем, что данных нашего исследования не вполне достаточно для полного подтверждения данного утверждения, поэтому видим в этом важность постановки подобной гипотезы в том числе для будущих исследований. **Задачами данного изучения** является: 1. выявление наличия или, напротив, отсутствия региональной специфики в восприятии героя и героизма; 2. выделение тех качеств, с которыми связывают героя и героизм россияне в различных регионах РФ; 3. анализ того, разнятся ли и насколько эти качества в зависимости от фронтности региона; 4. есть ли специфика в рисках и соответствующих страхах жителей фронтных и не-фронтных регионов и запрос на соответствующего героя.

Если говорить о фронте применительно к России, то здесь не менее интересная, чем у других стран и народов, ситуация. Масштаб её территорий и географическое разнообразие неминуемо рождает как представление о её необъятности, протяжённости, так и о её границах, приграничье, причём не только в физическом, но и метафизическом плане, как, например, это заявлено у современного отечественного философа Н. Ищенко в работе «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”», где Донбасс, согласно оценке автора, выступает русским фронтом [19]. С этим можно спорить, не соглашаться, но сам факт указания на приграничье как шовную линию соединения не только территорий, но и смыслов, вместе с чем зачастую наблюдается и иной социокультурный, антропологический тип, даёт и нам повод посмотреть на это через призму конкретного эмпирического исследования.

Заметим, что в одной из своих работ мы уже делали обзор того, что же по мнению россиян является объединяющими факторами и субъектами в консолидации страны. Как показал анализ, общая земля и территория не являются основными и определяющими (так считают 22% опрошенных). По-настоящему значимыми, по мнению респондентов, остаются общая история и память — 66%, язык — 46% (в совокупности с называемыми обычаями и праздниками, можно говорить о культуре в целом), государство — почти 34% [20, с. 62]. То есть акцент сделан прежде всего на социокультурных и исторических факторах, а не исключительно территориальных. Вместе с тем расширение или сужение территориальных границ ведёт в том числе к конфликтам и нарушению единства. Фронтир, как уже отмечалось, может быть крайне подвижен («дышать»), не сразу определяем в своём «дыхании», как в случае, например, с мигрантами, осуществляющими постепенное освоение территорий и пространства, в том числе в ментальном плане. Отсюда следует, что и герой как субъект действия и возникающих отношений может быть проявлен не сразу и рассматриваться как пограничный тип между нормой и девиацией. Итак, кто же в качестве такового рассматривается нашими респондентами? Проанализируем данные на рисунке 1.

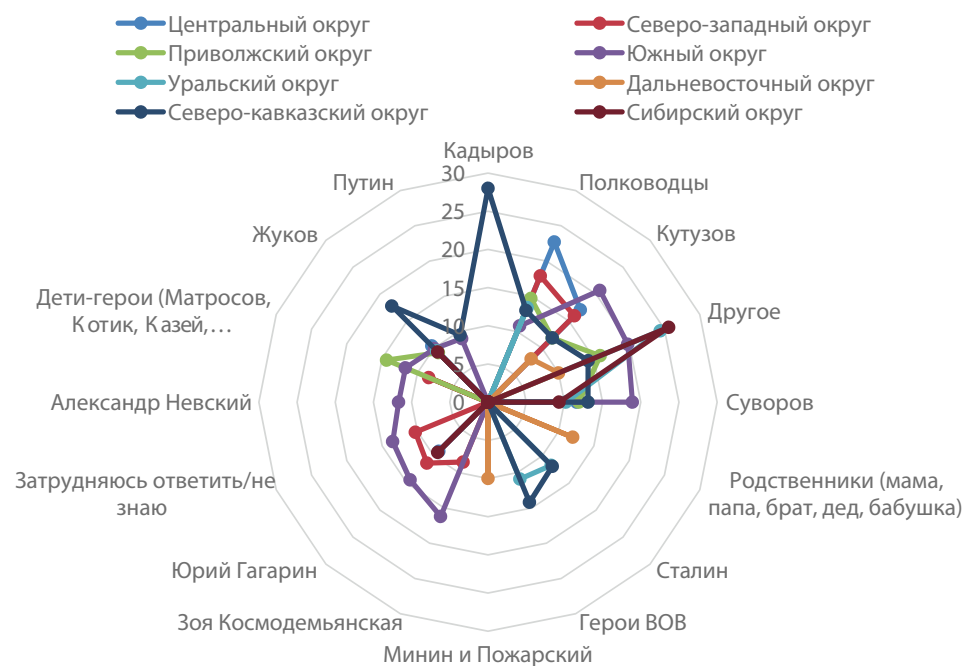

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Назовите тех, кого вы считаете героями, а их поступки героическими?», группировка ответов в соответствии с регионом проживания респондентов, 2023, %

Данные были получены на открытый вопрос анкеты: «Назовите тех, кого вы считаете героями, а их поступки героическими». Так как вопрос предполагал самостоятельный ответ респондента, то в итоге мы получили 2616 ответов опрошенных из восьми федеральных округов России. Значительная часть из них носила системный характер и составила соответствующие кластеры, часть — как

правило, одиночные, не поддающиеся подсчёту ответы, — образовали группу «Другое». При подсчёте в SPSS было выделено три основных группы героев: 1. те, кто вспоминался чаще всего и чей процент упоминаний был выше или равен 10%; 2. те, кого вспоминали во вторую очередь и чей процент составил меньше 10%, 3. наконец, были и те, кого называли в качестве героев не более 5% опрошенных. Внутри каждой из полученных групп есть свои кластеры героев. На рисунке 1, чтобы не утяжелять график, представлены кластеры первых двух групп, то есть $\geq 10\%$ и $< 10\%$.

Мы получили довольно интересные результаты. Первый из них связан с тем, что в одних субъектах РФ есть ярко выраженное представление о героях (такими в нашем исследовании стали, например, Южный и Северо-Кавказский округ), в них больше всего называлось героев, и процентно их кластеры не были размытыми. В других, напротив, наблюдалась как будто недопроявленность героя (как например, в Дальневосточном округе, где в качестве таковых назывались прежде всего родственники (12%), вместе с этим Минин и Пожарский (10%), Кутузов (8%)) или своё особое представление о нём (например, в Сибирском округе, где самый высокий процент ответов (26%) составило «Другое»). То есть регионы в этом смысле неоднородны и имеют свою специфику: чем больше фронтальных линий у региона, или он сам выступает как граница, тем вероятнее более чётко, политически выверенно сформировано представление в нём о героях и героизме. Второй результат связан с тем, что в качестве модальных значений проявились как герои полководцы, без обозначения конкретных имён (15,5%), так и конкретные герои: прежде всего военачальники периода Российской империи — Суворов (12%), Кутузов (10,5%). В качестве героев условно второго эшелона (собранные $< 10\%$) были названы пионеры-герои Великой Отечественной войны (Матросов, Котик, Казей, Голиков, Портнова и т.д. (почти 10%), советский космонавт Юрий Гагарин (9,4%), маршал Жуков (9,2%), Иосиф Сталин (8,2%), Зоя Космодемьянская (8%). То есть исторические фигуры и личности времён СССР. Обращает внимание, что названные герои — это прежде всего военачальники или герои войны, а уже во вторую очередь — выдающиеся личности (как первый космонавт Ю. А. Гагарин) и политики. Примечательно, что последнее также имеет свою региональную специфику: например, в Северо-Кавказском округе в качестве героя назывался действующий президент Чеченской республики Р. А. Кадыров (28%), глава советского правительства (1941–1953) И. В. Сталин (12%), действующий президент России В. В. Путин (9,5%). В. В. Путин вспоминался как герой также респондентами Южного федерального округа (9%). Как можно заметить, не в качестве первоначальных героев. Сталин также вспоминался не единожды и собрал 11,7% голосов в Уральском федеральном округе (что вполне может соответствовать запросам когда-то называемого «красным» региона). Симптоматично, что такие герои повседневной жизни, как врачи, медработники, волонтеры, спасатели упоминались в качестве таковых в последнюю очередь (редкий случай, когда $\geq 5\%$, например, только в Южном округе доля врачей и спасателей составила 6,3% соответственно). Промышленники, учёные, работающие на развитие производства и страны, назывались ещё реже (статистически незначимые значения, близкие к погрешности). То есть тот актер, о котором находим у А. Турена и О. В. Аксёновой, без которого в общем-то не работает ни одна жизненно важная институциональная структура, в сознании россиян не воспринимается как герой. Скорее всё же это выдающая-

ся фигура, политик, способный управлять страной и менять её будущее, либо человек, субъектный субъект, совершающий подвиг, то, на что большинство было бы неспособно.

Дополняют полученные результаты данные второго открытого вопроса анкеты: «Что в вашем понимании героизм? Героизм — это...». В итоге нами было получено 1743 самостоятельно сформулированных респондентами ответа. Согласно уже имеющейся логике, ответы были систематизированы по процентным значениям в соответствующие группы. В основном респондентами назывались именно качества героя, которые, как можно заметить по оценке респондентов, характеризуют героизм. В итоге сформировались основные группы качеств, которые в соответствии с героизмом назывались в первую ($\geq 15\%$) и затем во вторую ($< 15\%$) очередь. В первую отмечалось самопожертвование (22,3%), самоотверженность, самоотречение, умение поставить чужие интересы выше своих (16,8%), готовность совершить подвиг (13,4%). Уже во вторую — бесстрашие, храбрость, мужество (12,7%), положительные черты личности (8,6%). То есть, как можно заметить, героизм связывается опрошенными респондентами в первую очередь с добродетельными качествами личности, что безусловно имеет связь с античным взглядом на героя и героизм [21]. Правда в античности добродетель понималась особым образом, прежде всего в значении arete, как превосходство любого рода.

Рассмотрим же теперь территориальную специфику понимания героизма (см. рис. 2).

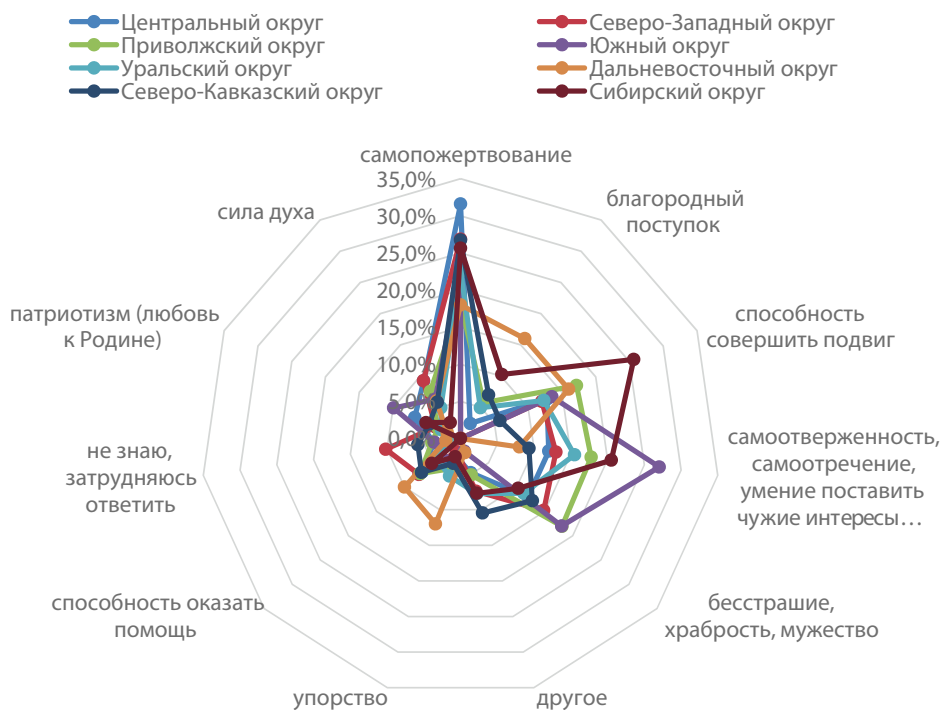

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Что в вашем понимании героизм? Героизм — это...», группировка ответов в соответствии с регионом проживания респондентов, 2023, %

Как можно заметить, даже визуальное распределение вершин и линий второго графика существенно отличается от первого, что прочитывается как более согласованное понимание россиянами, живущими в разных субъектах РФ, того, чем характеризуется героизм. Большинство из опрошенных сходится во мнении, что основное качество героя — это самопожертвование.

Примечательно, что при более детальном анализе данных по субъектам при относительно схожих ответах респондентов разных регионов РФ выделяются особые результаты на вопрос о героизме жителей такого фронтального региона, как Южный федеральный округ. Например, помимо типичных самоотверженности (27%) и самопожертвования (23%) назывались в соответствующей последовательности: бесстрашие, храбрость, мужество (18%), патриотизм (10%), положительные качества личности (8%), сила духа (6,3%). Показательно, что если «сила духа» и отмечалась как не основная, второстепенная характеристика (< 10%) героизма в ряде округов (Центральный, Северо-Западный, Приволжский), то патриотизм назвали самостоятельно в качестве таковой в Южном федеральном округе. Возможно, именно близость границ к территориям военного конфликта даёт понимание, что без сформированного определённым образом отношения к своей стране, довольно сложно проявлять героизм. При этом надо отметить, что на другой вопрос анкеты о том, что нужно прививать прежде всего, чтобы сформировать тип героической личности, участники опроса всех округов РФ были единодушны, отмечая в первую очередь ценности гуманизма и уважение каждого (64%), во вторую — патриотизм и любовь к родине (58%). То есть в этом смысле присутствует не только идеологическая установка, но и сформированное в обществе понимание связи патриотизма и героизма.

Возвращаясь к заявленной тематике статьи, отметим, что обозначенные качества героизма, которые были названы респондентами, свидетельствуют о том, что герой, помимо этической заданности его действий, субъект прежде всего активной, а не пассивной позиции. Это означает, что его действие проявлено вовне, направлено на другого/других, а не совершается в потенции, например, как желание. Столь, казалось бы, очевидный вывод приводит к размышлениям о том, что если общество состоит исключительно из желающих субъектов, только мечтающих о совершении чего-либо, на практике будет означать то, что время героев, — что в настоящее время активно транслируется СМИ, — может никогда и не наступить. Для этого необходим действующий субъект, для начала актер, причём действующий из имеющейся этической позиции. В связи с этим вспоминается довольно точное наблюдение британского социолога З. Баумана (1925–2017), который, характеризуя современников поколения Y (те, кто был рождён в период 1982–2000 гг.), замечает утрату ими автономии (проявляемую главным образом в действии), которая ещё недавно была у их отцов, и которую они успешно отстаивали, «гордясь тем, что обладали нравственными, интеллектуальными и экономическими принципами...» [22, с. 256]. Бауман связывает эту утрату с несколькими факторами, с так называемой «адиофаризацией» при которой происходит выключение моральной оценки и собственное поведение и поведение других людей по отношению к окружающему миру перестаёт считаться как хорошим, так и плохим. В определённом смысле стирается одновременно моральный ориентир и фронт. В обществе возникает моральная бесчувственность или, как замечает Бауман, слепота. И со вторым фактором — отношением политиков и государства к своим гражданам, которое «считает вве-

ренных им людей в первую очередь потребителями, а гражданами — в лучшем случае во вторую...» [22, с. 250]. В этом смысле позиция потребителя рассматривается как пассивная, позволяющая государству действовать без учёта интересов потерявших свою автономию и суверенность граждан.

Как заметили участники нашего опроса, героизм невозможен без таких качеств личности как бесстрашие, храбрость, мужество (12,7%). И хотя это выделялось как не основное качество героя, тем не менее без преодоления страха и проявления определённого мужества, суверенности героизм вряд ли возможен.

В заключении рассмотрим данные ещё одного вопроса анкеты, направленного на выяснение основных страхов россиян. И попробуем проследить, есть ли в них региональная специфика. Вопрос в анкете сформулирован как полузакрытый, с множественными вариантами ответа (согласно памятке, не более трёх вариантов, включая «Другое»). В результате было получено 3694 ответа.

Как показал опрос, основной страх россиян — это угроза ядерной войны (49%), неопределённость и неизвестность будущего (41%), угрозы терроризма и преступности (34%), потеря стабильности и привычного образа жизни (25%) [23, с. 519]. Повышение цен, инфляция (отметили 23% опрошенных), частичная мобилизация (20%) и государственный переворот (17,7%) беспокоят в гораздо меньшей степени, чем внешняя угроза ядерной катастрофы и терроризма. Симптоматично, что победа Украины в СВО пугает не более 13% опрошенных нами россиян. Рассмотрим теперь, есть ли региональная специфика ответов на вопрос о страхах (см. рис. 3).

Рисунок 3. Страхи респондентов, группировка ответов в соответствии с регионом проживания респондентов, 2023, %

Сразу отметим, что специфика есть. Например, в сравнении со всеми остальными округами инфляция и рост цен больше всего беспокоят жителей Северо-Кавказского (45%) и Дальневосточного округов (почти 42%). Надо сказать, что Северо-Кавказский округ в этом вопросе опять отличился: именно здесь наибольшая доля тех, кого волнует угроза ядерной войны (почти 59%), вместе с тем, респондентов именно этого региона меньше, чем других пугает победа Украины в СВО (всего 4,2%), частичная мобилизация (12,6%) и потеря стабильности и привычного образа жизни (14,7%).

В Южном федеральном округе наибольший, по сравнению с другими округами, страх вызывает угроза терроризма и преступности (42,6%). Что совсем не удивительно, если учесть максимальную приближённость региона к территориям военных действий на Украине и высокую вероятность обстрела территорий, а также высадку диверсионных террористических групп. Здесь мы вновь наблюдаем влияние фронта, который проявлен в том, что чем дальше местность находится от реальной линии угрозы безопасности, тем меньше возникает подобных страхов. Эти угрозы неизбежно будет вызывать запрос и на соответствующего героя, от которого будут требоваться в первую очередь самоотверженность, бесстрашие и патриотизм (как это было рассмотрено подробнее выше).

Северо-Западный округ, согласно ответам респондентов, больше, чем любой другой обеспокоен неопределённостью и неизвестностью будущего (44,7%). При этом инфляция и рост цен пугает жителей этого (16,7%) и Сибирского округа (почти 16%) меньше всего. Впрочем, как и государственный переворот в стране, смена власти (13%). На фоне ответов других регионов, в Сибирском округе доля обеспокоенных победой Украины в СВО самая высокая (18%). И здесь при интерпретации данных, помимо влияния фронта надо учитывать исторические особенности округов, их статус, экономическое положение и значение. Запрос на героя здесь тоже, скорее всего, будет у каждого свой. Например, ожидание такого героя, который смог бы сделать будущее более определённым, и неважно при какой именно власти — путинской или какой-то ещё, как это можно предположить в отношении Северо-Западного округа. Но здесь мы можем делать лишь предположения, понимая, что данных нашего исследования недостаточно.

Заключение. В статье была предпринята попытка продемонстрировать влияние фронта, понимаемого нами как рубеж, «контактное поле», на представления россиян о герое и героизме. Отчасти нам удалось зафиксировать, как особенности приграничных регионов формируют свой особый тип героя и запрос на него. Есть и то, что является общим в представлениях о герое и героизме для всех восьми субъектов РФ. В первую очередь, это те требования к качествам героя, которые связываются респондентами с этической составляющей его поступков, с добродетельностью героя. Это важный вывод, который свидетельствует о том, что герой в представлениях россиян всё же не амбивалентен (в том смысле, что может быть одновременно и героем, и злодеем) и обладает вполне конкретными чертами, главным образом положительными.

Пограничность героя, о которой писалось в вводной части статьи, как субъектность субъекта, его тотальная субъектность, балансирование между нормой и собственным поступком (сверх нормы), меняющим ситуацию, создающим новый образец реальности (например, упоминаемый респондентами Юрий Га-

гарин) эмпирическими данными нам подкрепить удалось лишь отчасти. Подобные герои назывались участниками опроса наряду с выдающимися личностями, чаще — успешными политиками, военачальниками. И надо заметить, что именно военный героизм как советского времени, так и периода Российской империи в сознании россиян воспринимается как эталонный, хрестоматийный.

Симптоматично при этом, что называя героев самостоятельно респонденты практически не вспоминали в качестве таковых тех, без кого в значительной степени не могла бы функционировать общественная система, а именно — врачей, спасателей, волонтёров, учителей, учёных и т.д. Они появлялись в качестве героев лишь при последующем ответе на закрытый вопрос о героях в ближайшем окружении [23, с. 518].

Повседневный подвиг и служение мало определим россиянами самостоятельно как героизм или героический поступок. Мы связываем это отчасти непосредственно с самой ситуацией, которая так же диктует свой запрос на героя. Например, опросы ВЦИОМ во время COVID-19 и годом позже, когда началась специальная военная операция на Украине, свидетельствуют о трансформациях представлений и запроса на соответствующего героя и героизм [23, с. 504]. Но возможно, помимо объяснения ситуацией, присутствует и другое: тот актёр, о котором писал А. Турен, и концепция которого была существенно переработана О. В. Аксеновой, слабо актуализирован сегодня в российском обществе и практически не рассматривается самими россиянами в значении героя, чего не скажешь, например, о советском обществе, где актёр (деятельный, самостоятельный субъект, поддерживающий и преобразующий повседневность) и герой рассматривались и воспринимались обществом зачастую как равнозначные фигуры. Скорее всего это связано с самим временем и его запросами, которое перестало быть временем и эпохой героев. Очевидно, что историческая смена субъекта действия, актёра, героя не только сопровождается сменой социальной структуры и общественной формации общества (например, как пишет об этом Макинтайр применительно к герою), но и неизбежным изменением социальных онтологий [24]. Одними из таких, активно развивающимися на Западе и с трудом воспринимаемыми в России, являются так называемые постгуманистические новые онтологемы (Грэм Харман, Иен Богост), пересматривающие классическую субъект-объектную картину мира [25], где антропоцентризм исключается, и спектр внимания переводится с человека на множество вещей, связей, окружающих его и, как считают идеологи постгуманизма, не в меньшей степени определяющих жизнь, чем сам человек [26]. Лиминальность (как «переход», своего рода Закулисы, неопределённость) становится основным свойством такой реальности. Отсюда возникает вопрос: есть ли место в сменяющей гуманизм модерна (длящийся по оценке упомянутых здесь авторов последние 400–500 лет) новой онтологеме постгуманизма герою, актёру, субъекту? И это скорее вопрос для обсуждения и будущих исследований. Второй: насколько это актуально для России, находящейся в той точке сборки, которая стала обозначаться последние несколько лет? Несмотря на то, что ответы на поставленные вопросы надо искать в будущих исследованиях, уже сегодня можно заметить некоторые трансформационные процессы в российском обществе: при частом обращении к героям прошлого, в частности, эпохи СССР, респонденты забывают об актёре (врачи, медработники, спасатели, волонтёры, учителя, учёные и т.д.), не называя его самостоятельно в качестве героя. И фактор фронтироности героя действительно выходит в настоящее время на первый план.

Библиографический список

1. Тернер Ф. Фронтир в американской истории : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2009. 304 с. ISBN 978-5-7777-0365-1. EDN [QINHRD](#).
2. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской. М. : Праксис, 2004. 434 с. ISBN 5-901574-40-0. EDN [QODCNV](#).
3. Slotkin R. Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600–1860. Middleton : Wesleyan University Press, 1973. 680 p. ISBN 978-0806132297.
4. Slotkin R. The fatal environment: The myth of the frontier in the age of industrialization, 1800–1890. New York : Atheneum, 1985. 636 p.
5. Slotkin R. The gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America. New York : Atheneum, 1992. 850 p. ISBN 978-0689121630.
6. Андреева А. А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15. EDN [TBCOIZ](#).
7. Сительникова Л. Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 2. С. 467–492. DOI [10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492](#). EDN [BTSMZH](#).
8. Басалаева И. П. Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 21. С. 20–28. EDN [PEWRMT](#).
9. Забияко А. П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36. EDN [WZTMCT](#).
10. Febvre L. Frontier: The word and the concept // A new kind of history from the writings of Lucien Febvre / Ed. by P. Burke. London : Routledge & Kegan Paul. 1973. P. 208–218.
11. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / Под ред. И. В. Герасимова. Казань : Идел-Пресс, 2004. С. 199–222.
12. Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М. : КД «Университет», 1997. 448 с. ISBN 5-06-003347-3. EDN [SYLLWD](#).
13. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб : Азбука, 2019. 704 с.
14. Игнатъев В. И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1-1. С. 130–150. DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](#). EDN [PKVLEZ](#).
15. Чернова И. Б., Галанина Н. В. Понимание социального субъекта в истории философии // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 5. С. 73–83. DOI [10.18522/2227-8656.2021.5.4](#). EDN [TUMJJK](#).
16. Грякалов А. А. Диалог, событие и субъект-свидетель — топо-модерн? / Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: Материалы Второй международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022) / Отв. ред. О. Н. Ноговицин. Т. 2. СПб : Издательство РХГА, 2022. С. 11–30. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.1](#). EDN [XLGPWJ](#).
17. Аксёнова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 37–53. DOI [10.19181/vis.2020.11.2.640](#). EDN [RNECVF](#).
18. Социокультурные основания советского модерна / О. В. Аксёнова, Э. К. Бийжанова, Н. В. Левченко [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 300 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022](#). EDN [WJGIXG](#).
19. Ищенко Н. С. Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны»: культурологический анализ литературного сериала. Луганск, 2021. 159 с.
20. Подлесная М. А., Ильина И. В. Героизм через призму размышлений о стране и её будущем: оценки поколений // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 53–77. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](#). EDN [PFAIWY](#).
21. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали : пер. с англ. М. : Академический проект, 2000. 384 с. ISBN 5-8291-0084-3.
22. Бауман З., Донкис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности : пер. с англ. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 368 с. ISBN 978-5-89059-355-9.
23. Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 503–524. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524](#). EDN [WXXMCXE](#).

24. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации / А. М. Орехов, С. И. Платонова, В. Г. Марача [и др.]. Королёв : Космос, 2024. 206 с. ISBN 978-5-6042292-6-2. EDN [JSMWGN](#).
25. Дыдров А. А. Апологетика и критика постгуманизма // Журнал фронтальных исследований. 2024. Т. 9, № 2(34). С. 205–226. DOI [10.46539/jfs.v9i2.594](#). EDN [AJBLFE](#).
26. Катерный И. В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М. : Ленанд, 2021. 352 с. ISBN 978-5-9710-9497-5. EDN [NFZSEN](#).

Поступила: 24.07.2024. Доработана: 06.09.2024. Принята: 09.09.2024.

Сведения об авторе:

Подлесная Мария Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия. yamap@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [661786](#); ORCID: [0000-0002-2159-4958](#)

Шевченко Олег Константинович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, академик РАЕН (Отделение исследования циклов и прогнозирования), председатель Крымского республиканского отделения РФО. Симферополь, Республика Крым, Россия.

skilur80@mail.ru

Author ID РИНЦ: [252169](#); ORCID: [0000-0002-1362-2875](#)

M. A. Podlesnaia¹, O. K. Shevchenko²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Russia

THE FRONTIER FACTOR IN THE FORMATION OF THE HERO'S IMAGE IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article examines the concept of a hero in relation to the concept of a frontier, which the authors understand as a “contact field”, a boundary that connects rather than separates the spatio-temporal field of conjugation of two or more realities. Particular attention is paid to the development of the frontier as a point of assembly and the personality of the hero and the new social normality. The need for a comparative analysis of the concepts of subject, actor, and hero that already exist in sociology is indicated. An attempt is made to differentiate these concepts, the main features of the hero as a total subject are given, the importance of distinguishing between an everyday hero and a “frontier” hero is indicated. The influence of the frontier as a factor in the formation of the hero’s image is substantiated based on the materials of an empirical study conducted by the authors of the article in eight Federal Districts of the Russian Federation in 2023 (n = 1350). For this purpose, data are analyzed on a number of open and semi-closed questions depending on the place of residence of the respondents, that is, the territorial factor. The authors of the article come to the conclusion that the length of Russia and the diversity of its regions, the frontier status of some of them, provide the corresponding specificity and demand for a hero. Respondents from those subjects of the Russian Federation that currently act as a frontier themselves articulate their idea of a hero and heroism much more clearly. The military hero remains the textbook hero for Russians. A significant part of the independently named heroes are outstanding personalities, primarily of the Soviet era, mainly military leaders, politicians, child heroes of the Great Patriotic War. Everyday workers and laborers - doctors, health workers, volunteers, rescuers, teachers, scientists, etc., which was typical for the Soviet era, are not currently singled out as heroes by respondents. Which leads to the conclusion that the actor of Soviet modernism, which was associated with heroism, was closely associated with the concept of a hero (in particular, labor), is not relevant in the minds of Russians today. Such transformations are associated by the authors with the influence of the situational factor, as well as with the change of the corresponding social ontologies.

Keywords: frontier, social border, hero, heroism, subject, subjectivity, dialectic of general and personal, normativity

For citation: Podlesnaia M. A., Shevchenko O. K. The frontier factor in the formation of the hero's image in Russian society. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):42–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3>

References

1. Turner F. The frontier in American history. Moscow: Ves' Mir; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0365-1.
2. Hardt M., Negri A. Empire. Moscow: Praxis; 2004. (In Russ.). ISBN 5-901574-40-0.
3. Slotkin R. Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600–1860. Middleton: Wesleyan University Press; 1973. ISBN 978-0806132297.
4. Slotkin R. The fatal environment: The myth of the frontier in the age of industrialization, 1800-1890. New York: Atheneum; 1985.
5. Slotkin R. The gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America. New York: Atheneum; 1992. ISBN 978-0689121630.
6. Andreeva A. A. "Frontier" as a cultural and historical category. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2014;(3): 11–15. (In Russ.).
7. Sinelnikova L. N. The conceptual environment of the frontier discourse in humanities. *Russian Journal of Linguistics*. 2020;24(2):467–492. (In Russ.). DOI [10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492).
8. Basalaeva I. P. Socio-philosophic foundations of turner's frontier thesis. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2012;(21): 20–28. (In Russ.).
9. Zabayako A. P. Frontier as a reality of human existence. *Voprosy filosofii*. 2016;(11): 26–36. (In Russ.).
10. Febvre L. Frontier: The word and the concept. In: Burke P. (ed.). A new kind of history from the writings of Lucien Febvre. London: Routledge & Kegan Paul; 1973. P. 208–218.
11. Rieber A. Changing concepts and constructions of the frontier: A comparative historical approach. In: Gerasimov I. V. (ed.). The new imperial history of the Post-Soviet space: col. of arts. Kazan: Idel-Press; 2004. P. 199–222. (In Russ.).
12. Momjyan K. Kh. Introduction to social philosophy. Moscow: KD "University"; 1997. (In Russ.). ISBN 5-06-003347-3.
13. Hegel G. W. F. Ph nomenologie des Geistes. St. Petersburg: Azbuka; 2019. (In Russ.).
14. Ignatiev V. I. Problem of the techno-subject: on the subjectivity of "entity-constructors". *Ideas and Ideals*. 2021;13(1-1):130-150. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150).
15. Chernova I. B., Galanina N. V. Understanding the social subject in the history of philosophy. *Humanities of the South of Russia*. 2021;10(5):73–83. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2021.5.4](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.4).
16. Gryakalov A. A. Dialogue, event and subject-witness – topo-modern? In: Nogovitsin O. N. (ed.). Byzantium, Europe, Russia: social practices and the relationship of spiritual traditions: Proc. of the Second International Scientific Conf. (St. Petersburg, September 22–24, 2022). Vol. 2. St. Petersburg: RKhGA Publ. House; 2022. P. 11–30. (In Russ.). DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.1](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.1).
17. Aksenova O. V. The subject of social action in Russia's current development: actor, agent, nobody? *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(2):37–53. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2020.11.2.640](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.640).
18. Aksenova O. V., Biyghanova E. K., Levchenko N. V. [et al.]. Sociocultural foundations of Soviet modernity. Moscow: FCTAS RAS; 2022. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022).
19. Ishchenko N. S. The struggle of civilizations in "Reflections of Eterna": cultural analysis of the literary series. Lugansk; 2021. (In Russ.).
20. Podlesnaia M. A., Ilina I. V. Heroism through the prism of reflection on the country and its future: assessments of generations. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):53–77. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.3).
21. Macintyre A. After virtue: Studies in moral theory. Moscow: Academic Project; 2000. (In Russ.). ISBN 5-8291-0084-3.
22. Bauman Z., Donskis L. Moral blindness. The loss of sensitivity in liquid modernity. St. Petersburg: Ivan Limbach Publ.; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-89059-355-9.

23. Podlesnaia M. A., Shevchenko O. K., Ilyina I. V. Heroes and heroism as representations of collective memory. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(3):503–524. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524).
24. Orehov A. M., Platonova S. I., Maracha V. G. [et al.]. Modern social ontology in the mirror of the Russian ontological tradition: discourses and interpretations. Korolev: Kosmos; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-6042292-6-2.
25. Dydrov A. A. Apologetics and criticism of posthumanism. *Journal of Frontier Studies*. 2024;9(2): 205–226. (In Russ.). DOI [10.46539/jfs.v9i2.594](https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.594).
26. Katerny I. V. Posthumanism. Man in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas. Moscow: Lenand; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-9497-5.

Received: 24.07.2024. Corrected: 06.09.2024. Accepted: 09.09.2024.

Information about the author:

Mariia A. Podlesnaia, Candidate of Sociology, Leading researcher, Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

yamap@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Oleg K. Shevchenko, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Department of Cycle Research and Forecasting), Chairman of the Crimean Republican Branch of the RFO. Simferopol, Republic of Crimea, Russia.

skilur80@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1362-2875](https://orcid.org/0000-0002-1362-2875)